

тому все сто. – Бедро (№ 4659). Несомненно, что в большинстве случаев с числом «сто» связывается идея максимальной полноты – целостности, замкнутости. Разнообразие определяемых при числе «сто» и кодируемых им объектов, подлежащих разгадке, весьма велико, ср.: Сто дорог. – Звёзды на небе (№ 30); Дед, ему сто лет. – Мороз (№ 3620); Сто гостей, сто постель. – Брёвна (№ 2998); Сто холстов на сто концов. – Блины (№ 4257); Рубль бежит, сто догоняют. – Охота на зайца (№ 4737).

Составление словарей загадок двух типов, первый из которых фиксировал бы полный список определяемых числами слов, а второй – соответствие чисел (вместе с определяемыми ими словами) подлежащим разгадке объектам, дало бы полное представление об образности загадки, её поэтике и логике в определённом фрагменте «загадочного» корпуса и тем самым – о соответствующей модели мира загадки и соотносимом с нею типом ментальности. Число в загадке теряет свою первоначальную чёткость, а затем мифологизируется, эстетизируется, включаясь иногда в сложную метонимически-метафорическую игру. Общее количество конкретных воплощений распределения чисел внутри загадки определяется десятками, и во многих случаях само это варьирование вполне осмысленно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Детям на потеху: Русские народные песни, загадки, пословицы / Сост. Э.В. Померанцева. – М.: Детская литература, 1983. – 63с.
2. Загадка // Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И.Новиков. – М.: Педагогика, 1987. – С.92 – 94.
3. Загадки / Изд. подготовила В.В.Митрофанова. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. – 255с.
4. Николаева Т.М. «Модели мира» в грамматике паремий // Филологический сборник к столетию акад. В.В.Виноградова. – М., 1995. – С. 316 – 325.
5. Пелепейченко Л.Н. Многоуровневый характер отражения действительности в языковой картине мира // Вісник Львівського університету. – Серія філологічна. – Львів, 2000. – Вип. 28. – С. 87 – 96.
6. Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 3 – 58.
7. Чистякова Е.І. Символ як число в теорії символізму (з приводу філософських роздумів Андрія Белого) // Філософська і соціологічна думка. – 1989. – №6. – С. 87 – 92.

Поступило в редакцию 25.03.2002 г.

*Бурбаев Т. К.
(Астана, Казахстан)*

ЕВРАЗИЙСКИЕ МОТИВЫ КАЗАХСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Слово «менталитет» в последнее время стало применяться часто, и не только в научных статьях, но и в бытовом обиходе. А лет десять назад оно было знакомо лишь отдельным специалистам. И то многие из них тогда старались проявлять осторожность, охотнее заменяя термин «менталитет» такими понятиями, как «идеологическое сознание», «новое мышление», «человеческий фактор», дабы не противоречить общей методологической

установке, существовавшей в тогдашней марксистско-ленинской философии. Сегодня менталитет как научная категория довольно успешно разрабатывается обществоведами. Чаще всего «менталитет» понимают как «совокупность представлений, воззрений «чувствования» общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды, которые влияют на исторические и социокультурные процессы» [1, с.20]. Хотя некоторые считают, что указанный подход не способствует закреплению менталитета в научной лексике, поскольку он практически отождествляется с массовым сознанием [1, с.20]. Другие менталитет отождествляют с общественным сознанием, мотивируя тем, что мысль не отделена от эмоций, сознания, — люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, т.е. бессознательно [2, с.517]. Третьи менталитет характеризуют как коллективно формируемый в обществе строй мышления и психики, который присутствует у всех членов этого общества [3, с.112] и т.д.

С нашей точки зрения, истоки разнородного чтения и понимания термина «менталитет» восходят не только к его иностранному происхождению (в одних случаях берется позднелатинское происхождение «mentalis», в другом – английское «mentality», в третьем – французское «mentalite»), но и многозначности, емкости и интегральности данного понятия, позволяющей обществоведам осуществить социокультурное измерение исторического процесса. Поэтому менталитет следует понимать как единство противоположных начал – природного и культурного, эмоционального и рассудочного, иррационального и рационального, индивидуального и общественного, где эти противоположности образуют единое целое в структуре менталитета.

Понятие «менталитет» еще активнее стало применяться с обретением независимости бывшими союзными республиками. В этот период возрастает интерес к своим духовным корням, к истокам самобытности, учитывающим их специфику развития. Казахский менталитет становится модным понятием и признается обществоведами как один из определяющих духовных факторов развития общества. В публицистических выступлениях, научных статьях обосновывается необходимость осмысления этого понятия, с целью идейной и духовной консолидации общества. Безусловно, появление понятия «казахский менталитет» является положительным явлением в философии. Поскольку изучение его открывает дорогу к новому пониманию казахской философии как процесса искания истины и мудрости.

Также следует сказать, что евразийские мотивы казахского менталитета не частный случай последнего, а имеют глубокие и благородные корни, которые своё начало берут от кочевой цивилизации. Даже самый беглый анализ позволяет сказать нам о том, что древнеказахская культура есть сгусток идейных, культурных, мировоззренческих и даже ментальных субстратов. Другими словами, им присущ **синкретизм**. Синкретизм не внешнее, механическое соединение разных ментальных ценностей, а явление исключительно внутреннее, продиктованное самим ходом существования нации. Например, сегодняшняя многоукладность социально-экономической жизни, многовекторность внешней политики, языковой билингвизм и т.д. по сути есть проявление синкретизма. Также синкретизму присуща эклектика, но эклектика не в марксистском понимании – как попытка соединения несовместимых противоположностей и подмена одних ценностей другими, а возможность **выбора**

тех ценностей, которые соответствует духовному миру нации. Поэтому эклектика не способ нарушения целостности, как принято считать, а стремление к нему.

Как замечает С. Акатай: «Мировоззренческий синкретизм есть достойное преимущественно кочевого образа жизни и культуры. Потому уместно говорить об евразийском типе мышления, для постепенного формирования которого потребовались громадные пространственные, хронологические и этнические ресурсы. Проявление его у казахов есть не что иное, как реакция на динамично меняющуюся действительность бытия мира кочевья, широкое использование наследия предков и его постоянное наполнение новым современным содержанием» [4, с.38].

Постоянное «наполнение» современного казахского менталитета евразийским содержанием, с нашей точки зрения, идет двумя путями: первый – это когда актуализируются те исконные базовые ценности, которые присущи евразийцам (терпимость, отзывчивость, доверчивость, открытость, душевность, щедрость, примат духовности над материальным, коллективизм, компромисс и т.д.), выработаны веками на просторах Евразийской степи, и второй – когда под флагом «глобализации» внедряются, иногда насильственным способом, чужие социальные нормы (крайний индивидуализм, культ денег, утилитаризм, культ силы и оружия) и другие прагматические стандарты Запада и Америки. Горячие сторонники «преобразования» должны помнить, что «американизация» внутренней сути духовного бытия нации приводит к расколу внутреннего, духовного единства нации и общества в целом. Сегодня Казахстан уже сталкивается с такими явлениями, как раскол по религиозным признакам. Ни для кого не секрет, что среди казахов уже появились иноверцы, проповедующие католицизм, буддизм, христианство, а также и другие виды религии сектантского толка. Как отмечают некоторые исследователи: «С точки зрения оценки состояния субъективного фактора... общество находится в ситуации ценностного раскола. Актуальная ценностная ситуация в большей степени детерминирует ориентацию на дисгармонию в человеческих отношениях, чем на утверждение духовно-нравственного взаимопонимания и взаимоуважения» [3, с.44].

Если расширить границу данного утверждения и спроецировать его на сегодняшнюю действительность, то мы видим ряд зарождающихся очагов ценностных расколов, которые в будущем могут отрицательно сказаться на духовном состоянии общества. Они прежде всего провоцируются чрезмерным расслоением общества на богатых и бедных, низким жизненным уровнем большинства населения, а также его социальной незащищенностью перед натиском рынка, неудержимым ростом количества безработных, наркоманов и преступности. Этими обстоятельствами умело и грамотно пользуются зарубежные «друзья». Экспортируя демократические и либеральные ценности, а также другой образ жизни в страну под патронажем различных международных фондов, они стремятся изменить менталитет нации, внести туда западную систему ценностей. Все это в конечном счете создает реальную конфликтную ситуацию в сфере духовности, расшатывая ее целостность. С нашей точки зрения, как это ни парадоксально, все это происходит из-за того, что просторы Евразии воспринимаются ими как «пустое культурное пространство», которое может быть заполнено «любой формой духовного развития». Поэтому защита тленных

духовных ценностей от внешних «интервенций» как на уровне ментальности, так и на уровне государственной политики является делом первостепенной важности. Ибо обеспечение духовно-нравственной и ментальной безопасности есть залог сохранения независимости.

Когда мы говорим о евразийском мотиве казахского менталитета, нельзя не обратить внимание на те архетипы, которые составляют ценностно-смысловую основу духовного мира казахов. Архетипы как явление, коренящееся в глубинах народной жизни, образуют некие первичные «смыслы», «образы», «образцы», которые проявляются в мироощущениях, миропонимании нации. Они составляют сердцевину национального менталитета и существенным образом определяют исторические судьбы народа. Постоянное воспроизводство их в мыслительном аппарате людей как некоторого базисного знания, а также регулярное обращение к ним говорит о том, что они обладают очень высокой устойчивостью и как бы являются установками поведения. Другими словами, архетипы образуют внутреннюю форму существования нации. «Самое интересное – то, что и архетипы, и менталитет проявляются всегда на бессознательном уровне, и поэтому когда осуществляется поиск мировоззренческих оснований, то он поневоле ориентируется на вычленение исходных бессознательных структур, которые скрываются за ширмой фетишей и иллюзий. Если искать за видимостью сущность, то следует отрешиться от внешности явлений и перейти к анализу стереотипов сознания, набора привычек, имеющегося опыта, полученных знаний, которые в своей основе являются «коллективным бессознательным» [6, с.112].

Первичные прообразы, архетипы как потаенная святость, выражённая в бессознательной структуре казахов, ярко представлена в народных сказаниях, мифах, фольклоре, обычаях и традициях, языке и народной мудрости и в образе жизни. В числе их особое место занимают такие архетипы, как «гостеприимство», «терпимость», «почитание предков», «уважение старшего», «восприимчивость», «умение находить общий язык с соседями и достигать компромисса», «миролюбие», «умеренность» «поэтичность и образность мышления» и т.д.

Также казах незлопамятен, умеет прощать и ценить дружбу. Он приветлив при встрече, нетороплив за «дастарханом», любит вести разговоры о высоком. Душа казаха открыта, музыкальна и поэтична, о чем писали в свое время многие исследователи степи (Ч. Валиханов, В.В. Радлов, А.И. Левшин) и др. «Здесь все выходит – Поэзия, первична ее жизненность, в этом – дух и аромат вольности. Поэтическая речь тут – нечто, само собой разумеющееся», – пишет Г. Гачев [6, с.37].

Такие же качества присущи и русскому народу. Духовность и искренность русских просто завораживают. По мнению И. Павлова, «русский ум не привязан к фактам, он больше любит слова и ими оперирует...» [7, с.37]. Также у них обостренное чувство справедливости (аттрактивность, по Л. Гумилеву). Они «полны искания социальной справедливости», у них более отчетливо проявляются такие черты, как свободолюбие, совесть, правда, поиск абсолютной и вечной истины, а также радушие, оптимизм, некоторая беззаботность и беспечность...» [10, с.32-33] и т.д.

Конечно, эти черты в той или иной мере присущи любому народу, но у русских людей они выражены ярче, выпуклее, сильнее. Более того, менталитет нации по своему характеру не является однотипным – положительного и отрицательного содержания.

Он включает в себя все — и позитивное, и негативное. Народ, убеждаясь в консервативности и несуразности отдельных архетипов своего менталитета, может избавляться от них. Но это — длительный исторический процесс, охватывающий большой отрезок времени [9, с.20].

Одним словом, архетипы в менталитете евразийцев занимают особое место и они в большей степени сопряжены с нравственностью и пронизаны духовностью. В них больше гуманистического начала, нежели технократического и прагматического. Поэтому они ведут себя так, как записано в их духовном, нравственном коде, в котором положительные установки самым причудливым образом сочетаются с негативными чертами в современных условиях. Как писал П.Я. Чаадаев: «...нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других» [10, с.166].

Оценка самих себя (евразийских мотивов казахского менталитета), с точки зрения современной философии, требует формирования целостного знания об единстве разума, воли и сердца. В свою очередь, в это дело может внести посильный вклад евразийская философия, которая адекватно отражает ценностно-смысловой континуум особенности народов Евразии. Стало быть, изучение евразийских мотивов казахского менталитета может стать началом зарождения новой евразийской философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубов И.Г. Феномен менталитета, психологический анализ // Вопросы психологии. — 1993. — №5.
2. Гуревич А.Я. Уроки Люсена Февра // Февр Л. Бой за историю. — М., 1991.
3. Орынбеков М. Предфилософия протоказахов. — Алматы, 1994.
4. Акагай С. Древние культы и традиционная культура Казахского народа. — Алматы, 2001.
5. Малинин Г.А. Ценностная солидарность и межнациональное согласие // Известия МНАН РК Серия общественных наук. — №3 (211).
6. Гачев Г. Интеллектуальное путешествие в национальные миры // Караван. — 1998. — Май.
7. Павлов И. О русском уме // Литературная газета. — 1991. — 31 июля.
8. Грошев И.В. Экономическая реформа через призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания. — №6. — 2000.
9. Калмырзаев А. Национальный менталитет и национальный дух // Мысль. — № 8-9.
10. Россия глазами русского. — Санкт-Петербург: Наука, 1991.

Поступило в редакцию 29.03.2002 г.

Гандзюк А.М., Масицька Т.Е.

(Волинь, Украина)

СУБСТАНЦІЙНІ ФУНКЦІЇ ОРУДНОГО ВІДМІНКА

Досліджуючи семантико-синтаксичні функції орудного відмінка, можна переконатися у тому, що, на протилегу іншим відмінкам сучасної української мови, він характеризується значно ширшою диференціацією у плані значень. Така особливість